

УДК 141

Ю.В. Линник

Петрозаводский государственный университет,
Музей космического искусства им. Н.К. Рериха,
Карельское отделение Ассоциации Музеев Космоса, г. Петрозаводск, Карелия

СЛОВО О НИКОЛАЕ ГАРТМАНЕ

*1. Онтологический поворот – сквозь призму поэзии*

Марбургская философская школа – и наш *серебряный век*: тут имеются весьма необычные унисоны. Подразумеваем не только русских неокантианцев, их была целая плеяда, но и двух поэтов, задетых влиянием Германа Когена – это Андрей Белый и Борис Пастернак. Читаем в «Петербурге» Андрея Белого (1994):

*Николай Аполлонович, радуясь, что нашёл выход к слову, улыбаясь, выталлил:
– «Вот... я... прочёл в «Theorie der Erfahrung» Когена...».*

Уточним название: «Kants Theorie der Erfahrung» («Теория опыта Канта»). Андрей Белый штудировал эту книгу в 1907 г. Через год он напишет стихи, в которых есть момент отторжения:

*Профессор марбургский Когэн,
Творец сухих методологий!
Им отравил меня N. N.,
И увлекательный, и строгий.*

N. N. – Борис Фохт: прошёл выучку и во Фрайбурге, и в Марбурге. Почему *отравил*? И в чём *токсичность*? Понятно, что сказано метафорически – но это не снимает вопроса. Вот возможный ответ на него: поэта не устраивала *сухость* метафизических абстракций – влекло назад живое, полнокровное.

Цикл «Заняты философией» Борис Пастернак напишет в 1917 г. – спустя пять лет после разрыва с философией, которую для него олицетворял Герман Коген. В стихотворении «Определение души» наше внимание должна привлечь такая строчка:

Сумасброд – задохнётся в сухом!

Эпитет повторяется в схожем контексте: опять разочарование – и отход, бегство. Вся «Сестра моя – жизнь» – как раскупорка чего-то герметичного. Прорвало! И вакуум выспренной трансценденции бурно заполняется бытием во всех его подробностях. Конечно, тут приходят на память и слова Мефистофеля из гётевского «Фауста»:

*Grau, teurer Freund, ist alle Theorie
Und grün des Lebens goldner Baum.*

Борис Пастернак перевёл это так:

*Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.*

Свой первый доклад в Марбургском университете поэт сделал на семинаре Николая Гартмана.



Николай Гартман. Фото из архива Марбургского университета.



Марбургский университет

Это произошло 18 июня 1912 г. Через три дня на том же семинаре он зачитает ещё одно сообщение. Интенсивные контакты! Но ведь это естественно: фигуру молодого доцента заслоняет глыба маститого профессора – Николай Гартман оказывается в тени Германа Когена. В отношениях к первому – некоторая прохладца: об этом непреложно свидетельствуют письма к отцу. Второй – кумир. Объект поклонения!

Тем не менее, в своём развитии Борис Пастернак пошёл за Николаем Гартманом. Оба круто повернули в сторону от неокантианства. Оба – каждый в своём измерении – совершили *онтологический поворот*.

Здесь наличествует неявный, но очень глубокий – сущностный – параллелизм. Ключ к его пониманию даёт простой и чёткий, но несколько неожиданный для нашего слуха вывод Николая Гартмана (2003): «Среди трансцендентных актов познание – единственный неэмоциональный акт» (с. 379).

Гносеология – сухая. Выхолощенная! Чёрствая!

Так случилось, что в своём самодовлении она или стала терять *предмет*, на который направлена, или доказывала его непознаваемость. Копали глубоко – и вдруг, на тебе: упёрлись в *Ding an sich*. Ради чего старались? Гносеология делалась беспредметной – и потому как бы безопорной: провисала в воздухе.

Своим художническим нутром Борис Пастернак уловит эту тенденцию – и почувствует неуют. Потом он так скажет об этом:

*По улицам сердца из тьмы нелюдимо!
Дверь настезь! За дружбу, спасенье мое!*

Поэт ещё в Москве. Марбурга пока нет в планах – но по сути идёт подготовка к нему: одновременно штудируются И. Кант и Г. Коген. Что выделяется в «Критике чистого разума»? Прежде всего сказанное философом «о мышлении и предметности»

(Fleishman et al., 1996. С. 29). Далее в студенческих записках – нечто похожее на манифест: *«мы ищем предметности, мы выращиваем предметность»* (Там же. С. 29).

А вот поразительные слова, предвосхищающие разрыв с Марбургом – как бы года объясняющие его: *«Пусть простят грубое выражение, но жизнь набита мыслью, жизнь мыслится в той мере, в какой мы говорим о предметах, даже о мебели, о скобяных товарах»* (Там же. С. 30). Это заявляет себя *«всесильный бог деталей»*. Жизненные подробности – и отвлечённые силлогизмы: первое перевесит второе.

В письме к Александру Штиху от 1 июля 1912 г. мы обнаружим такое признание: *«Я написал в день реферата – почти бессознательно – за 3 часа до очной ставки перед корифеем чистого рационализма, – перед гением иных вдохновений – 5 стихотворений»* (Кудрявцева, 2001. С. 66). Внутренняя борьба – философия или поэзия? – усиливается.

В другом письме к Александру Штиху – от 19 июля 1912 – марбургский студент выразится и впрямь грубо: *«Они не падают в творчестве. Это скоты интеллектуализма»* (Там же. С. 75). Назад к вещам! И ещё дальше: вспять – к бытию.

2. «Почему вообще есть бытие, а не ничто?»

Этот вечный вопрос красиво сформулирован М. Хайдеггером. Схожая проблематика задела и Бориса Пастернака, когда он конспектировал книгу Николая Гартмана *Platos Logik des Seins. Gießen: Töpelmann, 1909* – сохранилось библиотечное требование на неё от 28 апреля 1911 г. Анализу Платона в ней предшествуют главы о досократиках. Поэта волнуют знаменитые строки Парменида:

*Можно лишь то говорить и мыслить, что есть: бытие ведь
Есть, а ничто не есть: прошу тебя это обдумать.*

Клубок антиномий и апорий завязывается здесь. *Мэон!* Старший современник Бориса Пастернака – Николай Минский – разовьёт философию мэонизма.

Наклонившись над бездной ничтожности, Александр Скрябин отпрянет от неё – и утвердится в креативной воле к бытию. – *Бытие хочет быть!* – эту мысль композитор многократно проварьировал в своих недооценённых философских записках, где солипсизму будет придана воистину космогоническая мощь и яркость (Записки Скрябина, 1919).

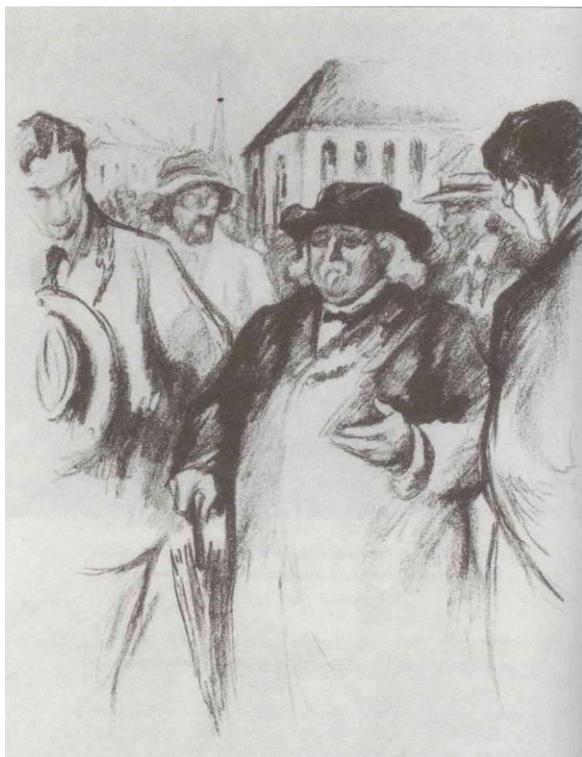
Борис Пастернак назовёт Александра Скрябина своим *божеством*. Он примет его нетривиальную философию бытия – но пока держится классической позиции: *«С Парменида поворотный пункт. Проблема бытия освобождается от неосознанного включения в вопрос о первой материи и от проблемы становления»* (Fleishman et al., 1996. С. 373).

Первоисточник осваивается активно. Ученик словно вопрошает учителя – побуждает Николая Гартмана к диалогу: *«Как укрепить единство бытия как такового, если в нём – противоположности и соподчинённая множественность?»* (Там же. С. 373). На этот вопрос философ ответит спустя немало лет. Ему придётся разрушить многие привычные клише европейской философии. Это идёт от Платона: мир вечности – подлинно бытиен, мир времени – фиктивен, мэоничен. Мартин Хайдеггер подвергнет это соотношение революционной инверсии. Всё наоборот! В элеатское закосневшее бытие вольётся витальная струя времени.

Николай Гартман будет работать в пандан Мартину Хайдеггеру. Напомнив о том, что элеаты прямо отождествляли *δν* и *εν* – сущее и единое, он радикально перестроит онтологию. Это ново: *«Монизмы всех типов, вплоть до пантеизма и эманационизма, основываются на данной точке зрения. Но устойчива ли она в онтологическом плане? Почему множество и многообразие не могут быть*

столь же сущими, что и единство?» (Гартман, 2003. С. 178). Далее – вывод: *«бытийственный примат единого – это рационалистический предрассудок»* (Там же. С. 178).

Реальное бытие *временится и множится*. Реальное выше идеального. Или – говоря словами мыслителя – *«Идеальное бытие в сравнении с реальным есть меньшее бытие»* (Там же. С. 618). Онтологический поворот-переворот сопровождается аксиологической переоценкой-ревизией. Если М. Хайдеггер фактически элиминирует *вечность*, то Н. Гартман резко понижает её в статусе – лишает *«нимба величия»* (Там же. С. 616). Куда теперь мы будем обращать своё трансцендирование? Необходима переориентация. *Αἰών* традиционно претендует на *«бытийственное превосходство»* – оба философа, каждый со своей позиции, показывают неосновательность этих притязаний (Там же. С. 618).



Леонид Пастернак.
Профессор Г. Коген в Марбурге



Леонид Пастернак.
Борис Пастернак в Марбурге

Жесты Платона и Аристотеля в «Афинской школе» Рафаэля: вектор Лицея берёт верх над вектором Академии. Потянуло к земле! Культура на это отреагировала разнообразно. Подчеркнём: это не прямая реакция – это дух времени.

Возьмём к примеру акмеизм: вместо символистского тумана – вещное письмо. От «Голубой розы» – к «Бубновому валету»: здесь та же тенденция. Борис Пастернак находится в этом русле. Вот он обращается к Анне Ахматовой:

*Но, исходив из ваших первых книг,
Где крепили прозы пристальной крупницы,
Он и во всех, как искры проводник,
События былью заставляет биться.*

В стихах схвачены и мировоззренческие, и стилевые подвижки века. В последней строчке отдаются пульсации бытия. Сама звукопись тут философична! Сущих – много, бытие – одно.

Парменид увидел его как целое – недвижимое – однородное – бесструктурное – лишённое каких бы то ни было различий – пребывающее в абсолютном самодовлении

и автаркии. Оно нечувствуемо – и немислимо. И несказуемо! Сколько в нём битов информации? Нуль! По этому критерию оно похоже на *ничто*. Его притягательную силу ощутили все мистические школы Востока. К нему влекутся – с ним хотят слиться. Чем это может кончиться? Разве что только благодаря неожиданной *шаровидности* бытие не обрушивается в свою противоположность.

Фр. Ницше назвал бы и элеатов – не только платоников – *потусторонниками*. В экстазах *δν– εν* подчас угадывается скрытая форма *танатофилии*. Что же тогда *новая онтология* Николая Гартмана? Могучий порыв к бытию! Или – переход *по сю сторону*: бок о бок тем же путём – *Neue Wege der Ontologie* – идут и философия жизни, и феноменология.

Что же такое *бытие*? Философ пишет: «*Бытие есть последнее, о чём можно спрашивать. Последнее никогда не дефинируемо. Давать дефиницию можно лишь на основе чего-то другого, что стоит за искомым*» (Там же. С. 156). Мы стоим перед угрозой *бесконечного регресса*. Что предложить вместо него? Ответ – вот: примат «*переживания перед познанием*» (Там же. С. 398).

Процитируем сейчас фразу, в которой – кредо новой онтологии: «*Осознание эмоциональной реальности является основополагающим*» (Там же. С. 398). Ищите *смысл бытия*? Николая Гартман улыбается: но тогда надо найти *смысл смысла*. И так далее. И так далее! Перед нами разверзается *die Schlecht-Unendliche* в своём семантическом изводе. Сущность бытия лучше всех выразил Борис Пастернак:

*Я понял жизни цель и чту
Ту цель, как цель, и эта цель –
Признать, что мне не вмоготу
Мириться с тем, что есть апрель.*

Для характеристики этих слов хочется использовать слова Николая Гартмана: «*собственная переживаемая оживлённость*» (Там же. С. 91). Вот где обнажается *нерв бытия*! По нему движутся *биотоки*.

Стихи Бориса Пастернака хорошо читать ранней весной в Элевсине – когда Персефона выводит на белый свет сонмы растений. Не забудем сюда пригласить и Анри Бергсона с его *élan vital*. Что прекрасней – *духоподъёмной* атмосферы, характерной для этой поры? Если и определять *бытие*, то через понятие *благодати* – не иначе.

Бытие – витально.

3. Органический слой

Новая онтология опирается на почвенное, вещное. Чего не хватает бесплотным пифагорейским числам? «*Субстрат количества*» – гарант их цветения: бытие нам раскрывается в чувственной красоте симметрий и пропорций (Там же. С. 81).

Согласны допустить отношения сами по себе – лишить их носителя?

Релятивизм, норовящий обойтись без субстрата, является в глазах Николая Гартмана «*бессмысленным учением*» (Hartmann, 1950. S. 287). Этим не отрицается идеальное. Однако задаётся субординация, противоположная принятой в платонизме – и критерием тут становится великое понятие *ценности*. Небытие – *контрценно*. Бытие – во всех своих видах – предстаёт неоспоримой *ценностью*. Реальное бытие *ценнее* бытия идеального. Радость бытия – и поэзия бытия, причастность к бытию – и упоение бытием: эмоции превалируют в этих состояниях и положениях.

Взрыв эмоций – в стихах Бориса Пастернака:

*И сады, и пруды, и ограды,
И кипящее белыми воплями
Мирозданье – лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной.*

Эхо Марбурга полнит эту строфу. Где ещё с таким энтузиазмом поддержали *коперниканский переворот* Иммануила Канта? Субъект у философа поставлен над объектом – в каком-то смысле мир есть производное от нашего «Я». Вспоминается и Джордж Беркли с его учением о жидкительной силе восприятия. Эти мотивы у Бориса Пастернака предельно утрированы, гиперболизированы. Слово у него оживлено – озарено – воспламенено *аффектом*.



«Звёздная ночь» Ван Гога –
лучшая иллюстрация к «Определению
творчества» Бориса Пастернака

А как же Стоя с её культом бесстрастия? Свою атараксию она передала всей европейской философии. Логос – невозмутим. Всё возбуждённое, страстное – нежелательная помеха.

Что же изменилось в жизни Мирового Духа, если он в корне изменил свою позицию? Читаем у Николая Гартмана (2002): «В жизни естественных

аффектов и желаний кроется глубокая витальная целесообразность» (С. 346). Телеологию философ допускал только для человека. Сколь опасно понятие цели экстраполировать на Космос! Свобода вымывается из него начисто.

История не раз встречала на своей пути такую опасность: «*Метафизика telos`a сбрасывает маску теории одной только природы и демонстрирует себя в качестве тиранической автократии*» (Там же. С. 586). Однако этим не исключается любование красотой форм, в которых мы усматриваем действие творящего целевого принципа – «как если бы» они и впрямь были созданы по разумному плану (Там же. С. 239).

Это гартмановское «как если бы» напоминает эзифизм С.В. Мейена (от английского *as if*). Мир ценностей позволят нам вести различные условные игры. Именно там возможна кантовская *целесообразность без цели*. Об этом изумительном феномене Николай Гартман сказал свежо и точно: «*существует бесцельное возникновение целесообразного*» (Там же. С. 239).



Философ любил белок (*Sciurus vulgaris*). Сколь грациозны эти животные! Это достойно вписывается в картину мира: абрис милого зверька, держащего в передних лапках сосновую шишку. Простая сценка указывает на «*нечто другое, что невидимо, но реально*» – на «*чудо органического*» (Гартман, 1958. С. 208). Обыденное у философа превращается в откровение.

Глубины бытия он постигал «*посредством чувства, проникающего внутрь того, что не дано чувственно*» (Там же. С. 208). Логика в этом предложении найдёт противоречие. Однако аксиология снимает его: ведь и впрямь имеется средство для такого парадоксального проникновения – это совершенно особое «*ценностное чувствование*» (Гартман, 2002. С. 178). Оно сродни *эстетическому удовольствию*. Но таковое часто перекрывается «*чисто жизненным наслаждением*» – это понятие вдохновлено опять-таки изящной *Sciurus vulgaris* (Гартман, 1958. С. 207). *Жизненное* и *витальное*: эти понятия занимают видное место в частотном словаре Николая Гартмана.

Вот ещё один пример их использования: «*витальность, жизненная сила и жизненная высота человека самоценны*» (Гартман, 2002. С. 345). Был ли философ виталистом? Если по Гансу Дришу – то нет. Для этого размежевания есть как минимум две причины:

1) понятие целостности, которое витализм связывает исключительно с жизнью, Николай Гартман распространял и на неорганические системы;

2) философ отрицал реальность нематериального *E-фактора* (энтелехии).

Однако вот слова философа – в них явственна контроверза: полемизируя с Гансом Дришем, он всё же признаёт в биологических явлениях «*нечто иррациональное, метафизический проблемный остаток, неопровержимый и неразрешимый одновременно*» (Гартман, 2003. С. 90). И ещё – в дополнение: «*Своеобразие жизненного процесса остаётся метафизической загадкой*» (Там же. С. 91).

Разве *метафизический проблемный остаток* не похож на пресловутый *E-фактор*? Отличие всё-таки есть. На место неуловимой энтелехии, имеющей трансцендентный источник, мыслитель ставит имманентный жизни – а, может, и всему бытию – фактор: способность к самоорганизации – *Selbstwiederbildung*.

Николай Гартман был старшим современником Ильи Пригожина. В год смерти философа теория диссипативных структур ещё не получила известности – её разработка началась в 1947 г. Тем поразительнее предварения синергетики, которые мы находим у Николая Гартмана – он опережал время на несколько десятилетий вперёд.

Мыслитель учил о *слоях бытия*. *Органический слой* вызывал у него повышенный интерес: жизнь «*основывается на новом типе процесса, на морфогенетическом процессе, на саморегулирующемся равновесии процессов, на стихийном самовоссоздании индивида*» (Гартман, 1988. С. 323). *Selbstwiederbildung* и есть это *самовоссоздание*.

Мыслям Николая Гартмана созвучно понятие *морфопротесса*, введённое В.Н. Беклемишевым – как и А.А. Любищев, он испытал влияние витализма. Жизнь для Николая Гартмана – тонкое средостение, разделяющее косное и психическое: снизу мы проецируем на неё *причинность* – сверху переносим *телеологию*.

Это две типичных – одинаково досадных – ошибки. Сфера живого – промежуточная: «*Именно здесь — большой пробел в нашем познании: своеобразный тип детерминации в жизненном процессе нам неизвестен. Это — причина, почему в нашем осознании живого либо каузальные, либо финальные представления постоянно выходят вперёд и затемняют тот факт, что своеобразие жизненного процесса остаётся метафизической загадкой*» (Гартман, 2003. С. 91).

Самосборка – саморегуляция – самоорганизация: понятия этого рода сегодня в ходу. За ними стоит новейшая парадигма. Николая Гартман предвосхищает её. Дабы не схлынуть в небытие, чем надо озаботиться бытию? Следует создать различные механизмы *сохранения*! С этим понятием искони связывается *субстанция* – неизменное в изменяющемся. Однако для истолкования феномена жизни Николай Гартман предлагает нечто другое – это «*само собой сохраняющееся равновесие без субстанциональности*» (Hartmann, 1950. S. 468).

Вспомним Эрвина Бауэра (1935): «*Живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счёт своей свободной энергии работу против равновесия, требуемого законами физики и химии при существующих внешних условиях*» (С. 43). Сохраняющееся равновесие Николая Гартмана = неустойчивое равновесие Эрвина Бауэра. Есть равновесие витальное (*морфопротесс*) – и равновесие летальное (*энтропия*). Жизнь работает против энтропии.

Николай Гартман побуждает расширить это представление: бытие как таковое умеет поддерживать и усиливать себя – оно *антиэнтропийно*. Пульсирующий Космос Гераклита регулярно претерпевал типичную *тепловую смерть*. Какая сила помогала ему выйти из пике? Почему он был похож на феникса, восстающего из пепла? Синер-

гетика могла бы попытаться ответить на эти вопросы. К проблеме вполне применимо эвристичное гартмановское *Selbstwiederbildung*.

Заключение

Николай Гартман не принимает линейное противоположение: *объект – субъект*. Мир у философа строится концентрически: в средоточии – Я, вокруг – космос.

Схожую схему мы находим у Арсения Тарковского:

*Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лёг во весь свой рост –
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.*

Это мироощущение выразил в своей «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико дела Мирандола. В центр мира себя ставили и Александр Скрябин, и Борис Пастернак. Приведём две максимы последнего (Пастернак, 2004):

– *Человек истинен и реален, когда он деятелен* (С. 281).

– *Человек, каждый в отдельности – исключителен и неповторим* (С. 282).

В этих словах чувствуется марбургская закваска. Вырастая из органического слоя, человек не должен выворачивать свои корни – к этому по сути и призывал Николай Гартман. Потенции бытия в явлении жизни достигают максимума. Сестра моя – жизнь!

ДОПОЛНЕНИЯ

1. «Изгрызена всей философской Москвой»

Так Андрей Белый свидетельствует об успехе в России книги Германа Когена «Kants Theorie der Erfahrung» (1871). В комментариях к «Петербургу» заголовок переводится так: «Теория познания Канта» (Белый, 1999. С. 452). Требуется коррекция: правильное – «Теория опыта Канта». Именно под таким названием фундаментальный труд недавно был издан в России – его отлично перевёл В.Н. Белов.

Андрей Белый и Борис Пастернак были профессионалами дважды: в измерениях и философии, и поэзии. Естественно спросить: как им это удавалось? Наше вопрошание хочется связать с более широкой проблемой, поставленной Иммануилом Кантом в «Критике чистого разума» – она была для него главной, мучительной: почему *возможны априорные синтетические суждения?*

Иммануил Кант показал, что для этого необходим ускользающий от понимания переход чувственного в абстрактное – Герман Коген (2012) обобщает результат кратко и ёмко: «*образ становится понятием*» (С. 344). Радикальная метаморфоза! Пытаясь нащупать её внутренний алгоритм, Иммануил Кант задумался о природе *продуктивного воображения* – не оно ли перебрасывает мост через дискретный разрыв?

Чувственность – и рассудок: Герман Коген повторяет мысль о том, что эти *крайние звенья* приходят во взаимодействие лишь потому, что *посредническую задачу* здесь берёт на себя *имагинация* – но идёт дальше своего учителя в раскрытии этой её замечательной функции.

Вот явный прирост: «*Для этого в высшей степени творческого синтеза хотелось бы задействовать новую функцию способности воображения. Поскольку понятие необходимо было сделать жизненным и в дальнейшем рассматривать не как застывшее отражение, как копию восприятий... Только таким образом позволила себя оправдать рядом с производящей способностью чувственности не менее значительная в своём роде производящая способность рассудка*» (Там же. С. 345–346).

Генерация новизны! Об этом идёт речь. Однако мы видим: фиксируется *достигнутое* – а сам процесс *достижения* остаётся в тени. Именно в тени! Вроде как для красного словца мы прибегли к метафоре, но попали в точку – приведём выдержки из черновых записей Иммануила Канта (Цит. по: Гулыга, 1977):

– *Рассудок больше всего действует в темноте.*

– *Темные представления выразительнее ясных.*

– *Все акты рассудка и разума могут происходить в темноте* (с. 113).

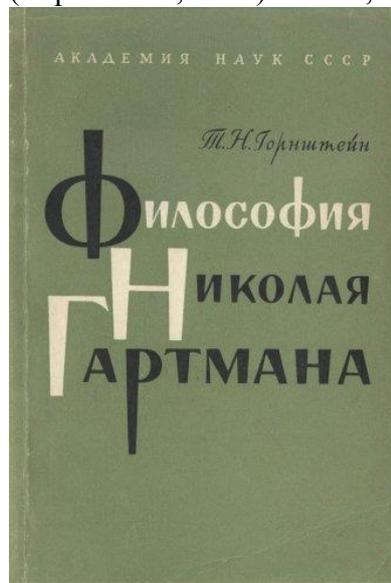
А.В. Гулыга прав: много раньше З. Фрейда и К. Юнга кенигсбергский затворник заглянул в *тёмный подвал бессознательного* – на этом уровне искал энергию, необходимую для синтеза образа и понятия.

Дополняя Германа Когена, скажем так: и *понятие может становиться образом* – ошеломительные примеры этой трансформации мы видим у наших поэтов. Философия была для них *страстью, аффектом, переживанием* – она входила в стихи, не иссушая их, а давая им небывалый накал и яркость.

2. Немного личного

В 1965 г. я поступил в МОПИ им. Н.К. Крупской в аспирантуру по эстетике. Со школьных лет я был заядлым библиофилом. В Москве сразу связался с чёрным рынком. Одно из первых приобретений – «Эстетика» Николая Гартмана (1958). О, это была большая редкость! Ведь книга вышла под приснопамятным грифом «*Для научных библиотек*». Такие издания печатались мизерным тиражом. И выдавались через *спецхран*. Естественно, какое-то количество экземпляров уходило из типографии «налево» – благодаря этому положительному обстоятельству я и стал владельцем раритета. Одним из переводчиков «Эстетики» был Мераб Мамардашвили. Книга оказала на меня огромное влияние. Часто обращаюсь к ней.

Ещё одна книжная радость, связанная с любимым философом, ждала меня в конце аспирантуры. Это монография Т.Н. Горнштейн «Философия Николая Гартмана». Ленинградская «Наука» выпустила её в 1969 г. Мрачное было время! Свой последний год доживал в Переделкине опальный Борис Пастернак. Уже половину срока отсидел Андрей Синявский. Была и отрада: в философии стали заявлять себя талантливые люди. Тогда я подружился с Генрихом Батищевым. Но кто в ту пору не чувствовал чекистских пальцев на своём горле? И вот на этом фоне вдруг выходит честная, абсолютно компетентная, написанная в позитивных тонах книга о буржуазном философе! (Горнштейн, 1969). Читал, глазам не веря: как пробилось в свет такое?



Татьяна Николаевна Горнштейн (1904–1980) была героической подвижницей *настоящей философии*. В начале тридцатых она вела методологический семинар где-нибудь, а в ФТИ – рассказывала о Б. Расселе и Л. Витгенштейне, будущим нобелевским лауреатам. Заведовала кафедрой философских вопросов естествознания в ЛГУ. Защитила докторскую. Будучи беспартийной, получила от самого С.М. Кирова почётное назначение – стала директором Университета культуры для партактива.

Мироныча убили. Университет объявили *к/р гнездом*. Воспоследовал арест. Никаких признаний не подписала. Полгода в одиночной камере – долгие годы на Колыме и в Магадане – потом спецпоселение в Ачинске. Умирает Сталин – и Татьяна Николаевна решается на рискованный шаг: нелегально перебирается в Москву. Через три года – реабилитация. Возвращается в Ленин-

град. Исследование о Николае Гартмане – вторая докторская: не могла документально подтвердить первую защиту. Дружила с Евгенией Гинзбург. Открыто симпатизировала Иосифу Бродскому. Славная женщина! О Николае Гартмане у нас никто не написал лучше её.

Список использованной литературы

- Бауэр Э.* Теоретическая биология. М.-Л.: Изд-во ВИЭМ, 1935. 206 с.
- Белый Андрей.* Петербург: роман. СПб: Кристалл, 1999. 976 с.
- Гартман Н.* Эстетика. М.: Иностранная литература, 1958. 692 с.
- Гартман Н.* Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1988. С. 320-324.
- Гартман Н.* Этика. СПб.: «Владимир Даль», 2002. 708 с.
- Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
- Горништейн Т.Н.* Философия Николая Гартмана. Критический анализ основных проблем онтологии. Л.: Наука, 1969. 280 с.
- Гулыга А.В.* Кант. М.: «Молодая гвардия», 1977. 304 с. (Серия ЖЗЛ).
- Записи А.Н. Скрябина // Русские Пропилеи. Том 6. М., 1919. С.120–191.*
- Коген Г.* Теория опыта Канта / пер. с нем. В.Н. Белова. М.: Академический проект, 2012. 618 с.
- Кудрявцева Е.* Русская Германия: Марбург Бориса Пастернака. М.: Русский путь, 2001. 258 с.
- Пастернак Б.Л.* Was ist der Mensch. ПСС. Т. 5. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. 760 с.
- Fleishman L., Harder H.-B., Dorzweiler S.* Boris Pasternaks Lehjahre. (Неопубликованные философские конспекты и заметки Бориса Пастернака). Stanford Slavic Studies. Vol. 11. № 1. Stanford, 1996. 397 с.
- Hartmann N.* Philosophie der Natur. Abriss der speziellen Kategorienlehre. Berlin: De Gruyter, 1950. S. 576.

Рецензент статьи: доктор технических наук, профессор Уральского государственного лесотехнического университета В.И. Крюк.